

КАМО ГРЯДЕШИ?

Что собрало под одной обложкой философский роман и сатирическую повесть, рассказы из времен войны и детства писателя?

Тема острой тревоги за будущее. Боление за день грядущий — всего человечества и каждого ребенка, приходящего в этот мир, такого же беззащитного, как маленький Сережа Гребин. Боление за судьбу всей планеты и одного тихого городка на ней, с гибнущими его былыми богатствами — речкой Кержавкой и озером Светлоярм.

Боление за душу человека будущего, его нравственный мир, вырастающий из плотно спрессованного пласта прошлого, светлых надежд и черных пороков, подвижничества во имя счастья людей и кровопролитий ради их порабощения и уничтожения. Из нравственных проповедей христианства, идеалов утопического социализма, революционных воззрений первых коммунаров нашей земли, из страшных норм деспотизма и предательства разных их носителей от Нерона до Сталина.

«Камо грядеши?» — во все века люди задавались этим вопросом. Куда двигаешься ты, человек? Что ждет тебя впереди? — вот исток напряженных философских раздумий автора. «Покушение на миражи» — итог его острых дискуссий с самим собой, со своими явными или молчаливыми оппонентами

Разделить тревогу писателя, заболеть ею так же, как он, — это искреннее, полное слияние дается не каждому сразу. Да писатель и не хочет этого. Он знает, что внять духовной исповеди — труд огромный. А инерция душевного покоя и лени сильна в человеке, особенно если отражает духовную инертность общества в целом. Не зря же один из героев «Покушения на миражи» — старый солдат Иван Трофимович Голенков, на закате дней своих одолеваемый сомнениями о смысле жизни, о своей собственной человеческой состоятельности, горюет, что не слышит отклика на вечные мучительные вопросы у молодых. «Пробовал исповедоваться — пожимают плечами: мол, известно, нас не удивишь. Спрашиваю о будущем: каким вы хотели бы его видеть? Снова пожимают плечами... Да черт возьми, меня, считай, уж нет на свете! За вас же, живых, страшусь. Камо грядеши, человеци?..»

Тем, кто «пожимает плечами», не проникнуться драматизмом раздумий и тревог писателя, он откровенно и не рассчитывает на них. Тендряков предлагает читателю думать вместе, в трудах, сомнениях, борениях, спорах обретать истину.

В романе «Покушение на миражи» в горячем сплаве философских гипотез, вопросов, публицистических отступлений, лирических раздумий, монументальных художественных образов истории и легких, почти эскизных, но предельно точных и выразительных характеров современников соединились далекое прошлое мира, его день нынешний и едва различимые контуры грядущего. Роман рождает богатство ассоциаций, исторических, нравственных, личностных. Наверное, у каждого — своих, как всякое подлинное искусство.

«Покушение на миражи» вернуло меня к забытым картинам детства и отрочества. К той поре, когда мираж абсолюта, идеала личности, граничащей с богом, всеильно владел умами и сердцами поколения.

1947 год. Москва празднует свое 800-летие. Всего второй год мира. Время открытости, надежд, мужества — снова выстоять, воскресить, взлелеять, оживить израненную землю. Время бескорыстия и терпения, искренности, открытости, веры. Праздникам радуются почти по-детски. Красная площадь сияет огнями. Красная площадь поет. Зубцы Кремлевской стены окаймлены гирляндами иллюминации. Светло вокруг. Светло на душе. Всем веришь, всем улыбаешься, и тебе улыбаются в ответ. Льются песни. Взрывается гармоника. В голубом луче прожектора в небе портрет Сталина. «Сталин! — радостно кричу я. — Как высоко!» «До самого бога поднялся, — тихо как бы продолжила меня старая женщина. — А то и выше». Мне показалось тогда, что сказала она это печально. Но понять почему — я не могла. А не так давно в одном из польских журналов я увидела документальную фотографию. Она сделана в те дни, когда Варшава встречала папу римского. Тоже высоко над землей, на огромном подъемном кране поднят к небу крест. Для верующих это естественно. Христос, вознесение, небо. Я снова вспомнила Красную площадь сорок седьмого.

1953 год. Март. Умер Сталин. Сраженные, никак психологически не готовые к тому, что он вообще смертен, как каждый человек, мы пытаемся попасть в Колонный зал, поклониться, проститься. Страшная эта очередь без конца и края теснится оградой грузовиков, нарядами конной милиции. Она то прессуется, то внезапно раздвигается, люди мчатся сломя голову, падают. На Трубной давка, людское месиво, жертвы. Там погибли две девочки из нашей школы. Когда прощались с девочками, в толпе кто-то сказал: «Когда-то жертвы приносили богам...» Сказали тоже непонятно, в оправдание ли земному богу, просто ли в раздумье. Тогда даже представить было невозможно, что кто-то осуждает все происшедшее даже за гробом Сталина. Настолько непогрешимо и высоко было для нас это имя.

Не одно поколение успело сформироваться на кумирах. Я не оговорила. Не на одном только единственном, тогда для нас «мудром, родном и любимом» образе, а именно на кумирах. Вокруг главной, почти божественной личности вождя культивировались кумиры из народа — от земли, от станка, меньше — от науки, создававшие в нравственно-этической сфере некое подобие если не равенства в славе и признании, то по крайней мере достойного соизмерения: вот он Эверест, вот другие вершины, это и есть хребет. На нем все зиждется, незыблемо и прочно, а остальные массы — они все там, у подножия, «колесики и винтики» огромного механизма. Вся политическая пропаганда, все искусство, особенно кино, поэзия, песенное творчество, вся наглядная агитация ориентировали на «отца народов», днем и ночью неусыпно радеющего за нас в Кремле, и на его соратников рангом поменьше, но тоже совершенных, непогрешимых, могучих, определяющих весь ход жизни, наших спасителей, заступников, кормильцев.

Очевидно, придет время — и специалисты по социальной психологии скажут свое слово о том, каков был механизм массового психоза этого бездумного всеверия, обожания, преданности одному кумиру, чей путь усеян миллионами невинных жертв репрессий.

А скольких тот же механизм искалечил нравственно? Их не счесть. Это все те, кто оказался во власти миража некоего абсолюта личности. Не только Сталина. Не только в пору его пребывания на посту главы партии и государства. Но и потом, и еще сейчас. Личности вообще значительной и могучей лишь потому, что история определила ей место учителя, руководителя.

Развенчать и разоблачить культ личности конкретной — задача хоть и чрезвычайно сложная, но куда более реальная, чем избавить общество, отравленное этим ядом, от рабской привычки во всем уповать на некий мираж — могу-

щество и непогрешимость одного кумира. От него зависит. Его воле подчинять свою. Его разуму — свой разум. В одном из предисловий к «Капиталу» К. Маркс писал: «Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Не уяснив уроков прошлого, мы не разомкнем хватку своих мертвецов».

На тернистый путь в прошлое, к самым истокам человеческой истории, к именам и легендам, выдержавшим нелегкую проверку на жизнненность в поколениях и веках, благословляет писатель главного героя романа — ученого Гребина. Он с ним заодно. Они явные идейные единомышленники — писатель и Гребин. Там, в опыте предшествующих поколений, в судьбах самых ярких личностей и героев — истоки прогнозов будущего. За кем шли, за кем пойдут люди?

И сам Христос, и святой Павел, и легендарный Кампанелла, и жертвенный Лукас, и великие Аристотель и Диоген предстают в поэтических сказаниях В. Тендрякова отнюдь не как воплощение совершенства, могущества, всеилия, непогрешимости, абсолютной верности и своевременности своих идей и поступков. Каждого из них наделила судьба своим неповторимым даром и талантом, но каждому и недодала каких-то качеств, не избавила от ошибок, а то и странностей.

Писатель беспощадно разрушает мираж непререкаемого авторитета, кем бы ни был он — реальным ли героем, мифической ли фигурой, исторической ли личностью, — нельзя его абсолютизировать, падать ниц перед могуществом его ума и духа.

Может спросить: а разве надо нырять в такие глубины веков, чтобы постичь эту истину? Надо. Чтобы снова и снова убедиться в многообразии мыслей, подходов, концепций, гипотез, учений, в богатстве и щедрости духовного мира человека, в плодотворности диалога, спора, столкновения мнений, различий, вечного поиска истины.

Достаточно вспомнить, как дополняет, развивает поэтическое учение Христа «великий путаник» и мученик Павел. «...В каждом Бог!» — взывает к людям Сын Человеческий в свой предсмертный час, предрекая могущество и самосовершенствование всякого, кто пришел в мир, и всего человечества вместе.

Роман «Покушение на миражи», думается, тем больше будет созвучен духу времени, чем дальше продвинется наше общество по пути духовного раскрепощения личности, освобождения ее от зашоренности, скованности, схематизма мышления.

В контексте литературы, пришедшей к читателю после апреля восьмидесят пятого года, литературы беспощадной, сорвавшей «все и всяческие маски» со многих кумиров, вскрывшей несостоятельность их доктрин и планов, «Покушение на миражи» воспринимается как общий философский ключ к пониманию событий и героев, населивших романы второй половины восьмидесятых годов.

В повести «Чистые воды Китежа» продолжает тревожно звучать мотив будущего. Что станет с речкой Кержавкой, озером Светлояр, с самим городом, со всей природой, варварски разрушаемой выбросами местного химического комбината, такими ядовитыми, что от них «скрючиваются листья на деревьях, рыба дохнет, вода воняет — и не только в самой речке, но и в озере». Долго ли может продолжаться такое беспощадное истребление? «Доколе?» — вопрошает о судьбе своего города на страницах местной газеты герой повести Иван Лепота. Точнее сказать — газета голосом Лепоты. Но! — и в этом глубочайший и горький сарказм повести — вопрошает не по долгу журналистской чести и совести, не по зову сердца автора, а по предожению «сверху», оттуда, куда главный редактор Илья Макарович Крышев выезжает шесть раз в неделю «уточнять, утрясать, получать инструктивные указания». Это там потребовали набатную статью. Самих же работников редакции во всей этой истории волнует не столько судьба речки Кержавки и озера Светлояра, не столько будущее земли, которая вскормила их, сколько совсем иное: как от-

разится на положении и карьере каждого из них эта публикация. Может быть, лучше ее вообще не давать? «Не дадим — припомнят. Дадим — можем в заваруху попасть...» Заваруха, действительно, начинается. Да какая! Ведь посягнули, как они это понимают, не столько на несовершенство большой химии, сколько на некое совершенство и могущество в лице директора химкомбината Калистрата Сырцова. Тоже, в общем-то, стойкий мираж в глазах чиновников от журналистики. Посягнули и сами испугались. Никуда не денешься. Страх перед сильными мира сего так же стоек, как и миражи их всевластности и неприкасаемости. Страх вызвал цепную реакцию интриг, двурушничества, предательства, ловкачества. В грязную редакционную возню вовлекается подставная фигура, некий Сидоров. За тридцать сребреников с копейками он довольно легко соглашается играть роль автора письма в газету. Письма, сострепанного ответственным секретарем.

Эпизоду «купи-продажи» Сидорова отводятся в романе считанные страницы. Он появляется под самый финал, возникает почти из пресподней, точнее из пивной, где и нашел его в рабочее время проворный газетчик Попенкин.

Но — вот чудо пера В. Тендрякова — как неумолимо оправдано своей внутренней логикой его нелепое, почти фантастическое появление.

В общей городской атмосфере душепродажничества, где даже те, кому надлежит формировать общественное мнение граждан, быть глашатаями правды, — писатели, журналисты, поэты — по уши погрязли в вязкой трясины лжи и корысти, Сидоров неизбежен как судьба. От него требовалось, по безнравственным меркам, немного: признать себя автором публикации, к которой он не имел никакого отношения. И еще... получить за это гонорар. Тогда мираж о некоем неизвестном, смелом, с высоким статусом авторе рассеется. Его место займет фигура обыденная, своя, китежская, никому не опасная. А ведь народ привык внимать не тому, что сказано, а — кто сказал.

Философская концепция писателя стройно замыкается: истоки всего нынешнего и грядущего уходят в глубины веков, ничей голос никогда не абсолютен в своей правоте, дурные сообщества на любом витке истории подминают нравственные устои личности, тем более, если личность особенно не сопротивляется. «В вековой бурной истории града Китежа постоянно происходили убийства — на плахах, на дыбах, в каменных мешках, ножом от руки брата, кистенем на темной дороге, подушкой в княжеских палатах, — несть числа их многообразию. Но никогда еще не случалось столь чистенького, никоим образом не кровавого убийства. Погиб могучий дух, остался всего-навсего читатель Сидоров, нисколько не таинственный, отнюдь не могучий. Кому теперь придет желание размахивать столь заурядным именем».

Нет, не выдержали китежане испытания вопросом «Камо грядеши?».

Колокол, прогремевший сверху, разбудил на короткое время сонное царство, разжег страсти, засветил огоньки надежд. Но так же сверху был заглушен набат, погашены надежды и страсти. Вот только немаловажная деталь — с помощью спившегося работника, его руками. Гротескный образ событий нашей еще не такой далекой действительности. Образ тревожный, зловеющий, предупреждающий.

И. Зарахович